

УДК 811:140.8+159.922

И. Н. Гоян

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника
(Ивано-Франковск, Украина)*

С. В. Сторожук

*Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины
(Киев, Украина)*

О. В. Федик

*Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника
(Ивано-Франковск, Украина)*

РОЛЬ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье обоснована мысль о том, что общность языка является одной из основополагающих предпосылок формирования коллективной идентичности. С этой целью раскрыто значение языкового фактора в процессе конструирования национальной идентичности, освещены современные стратегии формирования общего коммуникативного пространства и показаны причины потери его консолидирующего значения. На этом идейном фоне эксплицированы отличия между национальной и культурной идентичностью и обнаружено, что язык является главной предпосылкой возникновения последней. Продемонстрировано приоритетное значение коллективной идентичности в современном глобализованном мире и освещена ее роль в современной общественно-политической и культурной жизни общества.

Ключевые слова: язык, языковой принцип, культурная идентичность, национальная идентичность, групповая идентичность, образовательные стратегии.

Ihor Hoian

Vasyl Stefaniuk Precarpathian National University (Ivano – Frankivsk)

Svetlana Storozhuk

National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Kiev)

Oksana Fedyk

Vasyl Stefaniuk Precarpathian National University (Ivano – Frankivsk)

ROLE OF LANGUAGE IN CULTURAL IDENTITY FORMATION

Abstract. The article claims that common language is one of the basic premises for the collective identity formation. The essence of the linguistic factor in the process of the national identity construal is analyzed, and the modern strategies of the formation of the common communicative space are highlighted as well as the reasons for the loss of its consolidating capacity. On this ideological background the diversities between the national and cultural identities are explicated and the language proves to be the main premise for the latter's development. The prior significance of the collective identity in the contemporary globalized society is shown, as well as its role in the political and cultural life of contemporary society.

Key words: language, linguistic principle, cultural identity, national identity, group identity, educational strategies.

Вопрос о роли языка в процессе формирования общности уже более двух столетий остается одной из центральных проблем интеллектуального дискурса. Впервые эта тема была актуализирована Й. Фихте в «Докладах к немец-

кой нации» [12]. Й. Фихте одновременно акцентировал немало внимания на нациотворческом значении языка. По его мнению, язык лежит в основе национального характера и определяет этнокультурную самобытность общности, средством сохранения которой выступает национальное государство. Последнее же, считает мыслитель, должно быть сформировано в пределах этнолингвистических границ.

Конечно, сегодня тяжело однозначно определить, надеялся ли Й. Фихте, что разработанный им принцип самоопределения менее чем через столетие станет фундаментом формирования новой Европы. Тем не менее, его учение не только актуализировало исследование культуротворческой роли языка и стало идейным фундаментом возникновения фольклористики как науки, но и остается актуальным в течение двух веков. В значительной мере это обусловлено тем, что после Венского конгресса (1815 года) Европа придерживалась единой формотворческой идеи по поводу необходимости сохранения политического, культурного и общественного разнообразия, которое обеспечивалось Вестфальской международной системой. Несмотря на то, что программная идея Венского конгресса в XIX в. так и не была реализована в полной мере, после Второй мировой войны национальное государство стало единственной легитимной формой государства, что достигалось сознательной деятельностью государства, направленной на конструирование этнокультурной идентичности. Ее возникновение обеспечивали культурные и образовательные стратегии, направленные на формирование единого коммуникативного пространства внутри политических границ.

Закрепленный и легитимизированный в начале XX века национальный принцип имел большое значение для установления стабильности или хотя бы относительного мира в странах Западной Европы. Тем не менее, он не исчерпывал проблем Восточной и Юго-Восточной Европы (тут прежде всего стоит вспомнить Чехословакию и Югославию, которые продолжали страдать от конфликтов, возникших на фоне этнолингвистического принципа). Внутренние противоречия, которые в течение всего XX в. нарушали стабильность многих государств, обнаружались в 70-х гг. XX века. Однако только в 90-х гг. XX века они проявились в полной мере, обусловив возникновение целого ряда новейших национальных государств – Словакии, Чехии, Украины, Беларуси, в начале XXI в. – Сербии, Черногории и т. д. Очевидно, что изменения, произошедшие в европейском политическом пространстве, в немалой степени были обусловлены крахом коммунистического строя и распадом СССР, что вполне закономерно привело к формированию целого ряда новых национальных государств, чаще всего в пределах этнолингвистических границ либо вокруг титульного этноса. Именно он обычно определял направление культурной политики государства, а, следовательно, и культурную идентичность большинства его граждан, учитывая одновременно культурные запросы и требования этнических меньшинств.

Изменения, произошедшие в политической жизни и культурной политике европейских государств в конце XX – начале XXI веков, должны были бы привести к утрате языковой проблематикой своего политического измерения, оставая ее абстрактной академической проблемой. Тем не менее, сегодня наблюдается прямо противоположный процесс – общественно-политическая и культурная составляющие языковой проблематики приобретают небывалое до этого значение. На наш взгляд, одной из причин этих изменений стали общественно-политические и культурные трансформации, которые происходят в процессе глобализации. Последняя существенно обесценивает значение нацио-

нальной идентичности, одновременно обуславливая ограничение национального суверенитета. Это в свою очередь актуализирует стратегии, направленные на утверждение общей культурной идентичности, способной объединить граждан страны. Одним из наиболее действенных факторов, как показали в свое время Б. Андерсон [1], К. Гансен [19], Э. Гелнер [5], Г. Грабович [7], И. Огиенко [8], является формирование единого коммуникативного пространства. Так, например, один из известнейших европейских модернистов Э. Гелнер рассматривает нацию как культурную и психологическую общность. «Два человека принадлежат к одной нации, – пишет исследователь, – когда их объединяет одна культура, которая в свою очередь означает систему идей, знаков, связей, способов поведения и общения» [5, с. 160]. Несмотря на большую роль культурных элементов, все же, по убеждению Э. Гелнера, решающее значение в процессе утверждения национального единства имеет психологический фактор, ведь люди превращаются в общность в том случае, когда разделяют и признают определенные культурные элементы «своими», тем самым закладывая основы для признания взаимных обязанностей и прав на основе общих политических и культурных ценностей, даже тогда, когда они изменяются в процессе истории.

Несмотря на то, что Э. Гелнер не очерчивает концептуальную и культурную основы солидарности членов группы, с которыми мы разделяем общие ценности, все же есть все основания предполагать, что фундаментом групповой солидарности выступает именно язык. Наше предположение основывается на фоне основополагающей для социологической концепции ученого оппозиции аграрного и индустриального общества. В частности, рассматривая социокультурные, политические и экономические основы формирования наций, Э. Гелнер акцентирует внимание на том, что социальная организация аграрного общества не способствовала развитию национального принципа [там же, с. 161]. Ведь обычно она порождает политические образования, которые либо меньше, либо намного больше культурных размежеваний. Конечно, он целиком и полностью признает тот факт, что в аграрный период высокие культуры либо великие традиции стали выдающимися, важными и некоторым, однако особенным образом господствующими, несмотря даже на то, что «они не смогли навязать себя всем или даже большинству населения» [там же, с. 161]. Иначе говоря, Э. Гелнер целиком и полностью признает тот факт, что в домодерный период высокие культуры не определяли культурную и, тем более, политическую идентичность. Между тем, по мнению ученого, именно это и является существенным преимуществом этой формы культуры, ведь она была самодостаточной и не требовала политической поддержки.

Несмотря на то, что выводы Э. Гелнера по поводу роли политической власти в развитии больших и малых культурных традиций могут казаться сомнительными, все же, на наш взгляд, их можно считать если не истинными, то в большинстве случаев вполне резонными. Наше замечание целиком и полностью подтверждает европейское культурное развитие в эпоху Средневековья. Ведь, как известно, в это время культурное развитие европейского общества, с одной стороны, определяет христианство – образованные слои населения и духовенство широко используют латынь, что дает основания предполагать существование единой культурной идентичности, сформированной на фоне римо-католицизма. Принадлежность к этой религиозно-культурной традиции признает и большинство простонародья, что, естественно, наводит на мысль о существовании единой культурной идентичности. На самом деле это совсем не так. Во-первых, простонародье, признавая принадлежность к христианству и, в

частности, к римо-католицизму, не знало латыни, а поэтому воспринимало основные положения римо-католицизма только благодаря духовенству и только в его интерпретации. Кроме того, вряд ли у кого-либо возникнет сомнение в том, что в среде европейского средневекового простонародья чрезвычайно сильно было распространено двоеверие. Несомненно, эти феномены не опровергают существование единой великой традиции, которую разделяло большинство населения Средневековой Европы, однако они дают основания сомневаться в его мировоззрении и культурном единстве. Главным же аргументом в пользу выводов Э. Гелнера по поводу отсутствия политической поддержки культурного разнообразия Средневековой Европы, на наш взгляд, является то, что групповая культура (имеется в виду отдельных сообществ) значительно более разнообразна, чем политическая власть, хотя даже в этот период были исключения, которые представляли династические государства европейского побережья Атлантики.

Культурное разнообразие, определявшее ценности и приоритеты средневекового социума, так же, как и само аграрное общество, в определенный исторический период перестало быть предметом выбора. Ведь, как вполне справедливо замечает Э. Гелнер, «его реставрация просто обрекла бы преимущественное большинство человечества на голодную смерть, не говоря уже об ужасной и нестерпимой нищете, которая ожидала бы уцелевшее меньшинство» [5, с. 161]. Одновременно с этим исследователь вполне осознает то, что индустриальное общество – это не «Deus ex machina», оно «не вышло на сцену по божественному повелению» [там же, с. 162]. Его возникновение, по утверждению ученого, стало закономерным итогом органического развития аграрного общества и Реформации, которая акцентировала внимание на письменности и Святом Письме, атаковала монополистическое духовенство и ориентировалась на мобильное городское население и индивидуализм. А все это, как известно, немного позже и стало мировоззренческой установкой национализма.

На первый взгляд, выводы Э. Гелнера об основополагающей роли протестантизма в процессе формирования европейских наций могут показаться противоречивыми, особенно когда речь идет о становлении более поздних восточноевропейских (в том числе и украинской) наций. Однако это далеко не так. Конечно, протестантизм на Украине не получил такой поддержки, как в странах Западной Европы. Кроме того, во время, когда украинцы заявили о своих национальных требованиях, их индустриальное развитие было чрезвычайно низким, а немногочисленная буржуазия деэтнизирована. Между тем, даже эти противоречивые факты не опровергают закономерное развитие национальных притязаний восточноевропейских этнолингвистических сообществ. Ведь, как доказывает оксфордский профессор Дж. Пламенац, восточноевропейский национализм в большинстве случаев был подражательным и состязательным [9, с. 488]. Все это, в свою очередь, привело к тому, что национализм славянских народов значительно отличается от национализма немцев, итальянцев и других западных народов. В частности, несмотря на доминирование аграрных форм хозяйствования и низкий уровень индустриализации, все же с начала XIX в. ускоряется урбанизация за счет внутренней эмиграции. Отправляясь в города в стремлении заработать средства, сельское население вынуждено было отказаться от сельских обычаев и устоев, «сельского говора в пользу языка, обычаев и устоев тех, кто добился успеха, поднялся социально либо длительное время находился на высших социальных ступенях» [9, с. 490]. То есть достижение социальной респектабельности в условиях отсутствия собственного куль-

турного потенциала доставляло довольно серьезные неудобства местному населению [9, с. 489-490].

Между тем, как вполне аргументировано доказывал Т. Нейран, даже это не обеспечивало равенства – неустанная борьба центра и периферии за культурные и экономические ресурсы заложила идейный фон для развития национализма [10, с. 101]. Очевидно, все названные вышеупомянутыми исследователями факторы обусловили потребность в «объединении сообществ, говорящих на самых разнообразных диалектах, усиливая, таким образом, чувство единого народа, и, в конце концов, создали возможность овладения ими западных идей и практик» [9, с. 489].

Сделанные нами уточнения по поводу своеобразия формирования новейших восточноевропейских наций не только не опровергают, но и в значительной мере объясняют то опосредованное влияние, которое осуществила Реформация на их развитие. Несмотря на то, что она не имела непосредственного влияния на развитие нациотворческих процессов во многих восточноевропейских странах (прежде всего православных), все же именно она определила ту роль, которую играет национальный язык в развитии и возможностях самоопределения сообщества.

Учитывая то, что Э. Гелнера интересовали не столько региональные отличия формирования национального единства, сколько те факторы, которые способствовали возникновению национальной идентичности вообще, ученый акцентирует основное внимание на нациотворческом значении индустриализации. По этому поводу он вполне справедливо подчеркивает, что именно постепенная индустриализация обусловила «демографический взрыв, быструю урбанизацию, миграцию рабочей силы, а также политическое и экономическое проникновение глобальной экономики и централизованного государства в доселе более или менее сосредоточенные в себе сообщества» [5, с. 163]. Вследствие этого стабильная и изолированная «вавилонская система» аграрных сообществ (разграниченных социально, культурно и географически) начала сменяться «новым типом Вавилона» – стали формироваться новые и, что интересно, нестабильные культурные границы. Это обусловлено тем, что в новых условиях большинство людей становятся грамотными и общаются с помощью разработанного кода – грамматических предложений, а не зависимых от контекста междометий и жестов. Все это дает возможность ученому сравнить индустриального человека с искусственным производением. С этих пор, подчеркивает ученый, человек уже не может жить и функционировать в естественной среде. Новый человек, исходя из системы традиционных культурных связей (аграрного общества), требует новой искусственной среды – всеобщей (национальной) культуры, возникновение которой способна обеспечить только новая образовательная система.

Формирование искусственной среды всеобщей и, что важно, сознательно сконструированной коммуникативной и культурной системы, как доказывает Э. Гелнер, невозможно без стандартизированной системы образования, целью которого является культурная и языковая гомогенизация общества. То есть существование гомогенного коммуникативного пространства, как главного залога развития индустриального общества, невозможно без существования государства. Между тем, именно в этом амбивалентном отношении государства и культуры кроется источник национального или этнического конфликта, который определял историю Европы в течение двух веков.

На несколько ином концептуальном фоне несомненно большое значение языка обосновывает Б. Андерсон, который главной предпосылкой становления

нации считал союз печати и капитализма [1, с. 89-105]. Мыслитель убежден, что именно в XVIII веке, то есть когда появилось массовое производство газет, большие массы людей были выведены на политическую арену и могли начать «представлять себе» нацию как законченную, суверенную и сверхклассовую солидарность.

Не вдаваясь в более существенный анализ модернистских концепций нациообразования, хотелось бы заметить: все они акцентируют внимание на том, что смена коммуникативных возможностей сообщества, а именно возникновение гомогенного коммуникативного пространства, стали главной предпосылкой формирования национальной идентичности. Конечно, процесс формирования последней не был неоднородным, а определялся двумя основными принципами, которые легли в основу двух основных нациотворческих стратегий. Так, например, возникновение французской нации и французской идентичности является государствоцентричным, ведь она формировалась в результате ассимиляции французской периферии парижским центром, что в итоге своем легло в основу гражданской политики. В то же время немецкая идентичность возникла на фоне культурных характеристик немцев, а осознание их идентичности возникло еще до появления национального государства [4, с. 311]. Между тем, в каждом случае имеем одинаковый результат – национальная идентичность, возникшая на фоне этнолингвистического единства (вне зависимости от особенностей ее формирования), проявляется в лояльности к политическим институтам и общем видении будущего.

Очевидно, когда речь идет о национальной идентичности, наличие единого коммуникативного пространства, которое обеспечивается общим национальным языком, не вызывает никаких сомнений. Однако, как уже было замечено, глобализация существенно изменила приоритеты индивидуальной и коллективной идентичности, вследствие чего национальная идентичность все чаще начинает уступать культурной идентичности. Показательно, что многочисленные исследования, посвященные этому феномену, сопровождаются отсутствием общепринятой дефиниции культурной идентичности. В данном контексте можно вспомнить работы З. Баумана [3], Дж. Гайдта [18], М. Гибернау [6], С. Гантингтона [13], И. Гояна [16], С. Сторожук [11] и многих других украинских и зарубежных исследователей, которые сосредоточили свое внимание на изучении влияния культурной идентичности на формирование разного типа сообществ, оставляя без своего внимания раскрытие содержания культурной идентичности.

Принимая во внимание теоретические наработки упомянутых нами выше исследователей, следует признать, что культурная идентичность является специфической разновидностью коллективной идентичности. В то же время последняя обеспечивается лояльностью к нормам, стереотипам и ценностям других людей. Они определяют культурную самобытность группы, одновременно отделяя ее от «Других», к числу которых относятся те, чья идентичность формируется на отличном культурном фоне. Наши предположения созвучны основным идеям теории социальной идентичности А. Таджфеля [См.: 15, с. 9]. В ходе исследования природы коллективной идентичности он пришел к выводу, что структурирование и упорядочение социальной среды происходит на основе стереотипов, позволяющих четко различить членов и не членов социальной группы. При этом, как доказывает исследователь, в ходе этой социальной классификации люди классифицируют не только других, но и себя.

Конечно, теория стереотипов А. Таджфеля может иметь высокий объясняющий потенциал в случаях, когда речь идет о своеобразии формирования

социальных групп в глобализованном и индивидуализированном мире современности. Она способна объяснить особенности формирования гендерных, возрастных, этнических, трансгендерных и т. д. групп, представляя их как формы культурной идентичности [20], которые на социокультурном уровне проявляются в виде субкультурных образований. Ценностная, а как следствие и культурная идентичность, как справедливо отмечает К. Грауманн, в таком случае формируется в итоге признания либо отрицания некой системы ценностей и их символических выражений [17]. Показательным примером в данном контексте могут служить группы пацифистов, традиционалистов, антисциентистов и т. д., идентификации которых происходит путем признания членом группы и исключения из нее не членом на основе лояльности к одной или нескольким идеям.

Рассматривая культурную идентичность как средство упорядочения социального пространства на основе общих ценностей, не стоит игнорировать то, что каждый человек является членом нескольких таких сообществ ценностей, следовательно, вынужден постоянно принимать решения по поводу признания или непризнания системы идей или ценностей, которые обеспечивают существование группы. Учитывая динамичный характер индивидуальной идентичности, существование культурных групп и дифференцирование представителей одной культурной группы от другой становится проблематичным. В то же время не подлежит сомнению факт существования целого ряда культурных групп, у представителей которых отличный образ жизни, привычки, стереотипы и ценности, между тем они признают себя членами одной культуры. По мнению К. Гансена, осознание этого единства обеспечивается общим языком и общей историей [19, с. 179]. В частности, ученый считает, что общность языка является тем культурным фундаментом, который обеспечивает устное общение, давая вещам имена, присваивая им смысл и включая их в понятный членам общины контекст, тем самым формируя основы для восприятия разрозненной повседневной жизни сквозь призму единства [там же, с. 62]. Благодаря этому каждое языковое сообщество имеет собственное восприятие реальной жизни, что, в свою очередь, способствует единению и выступает механизмом включения и исключения. Не менее существенное значение для формирования культурной идентичности, по мнению К. Гансена, имеет история, представленная в виде традиций, исторических праздников и памятных дней. Очевидно, что последние транслируются единством языка, который постепенно меняется в ходе истории.

Подчеркивая главенствующее значение языка и истории в процессе формирования коллективного единства, К. Гансен акцентирует внимание на том, что их культурное влияние происходит несознательно и определяется рождением и социализацией. Оно не только заставляет индивидуума учиться на родном языке, осваивая одновременно культурный и исторический опыт сообщества, но и обеспечивает вступление в организацию общества и его институтов. Последние, в свою очередь, обеспечивают формирование целого спектра ценностей и стереотипов, которые представители каждой культуры считают «нормальными». В большинстве случаев эти правила культуры не выписаны полностью, следовательно, усваиваются только в итоге сознательных и несознательных актов социализации.

Настаивая на непреходящей роли «объективных» критериев формирования коллективного единства и, соответственно, культурной идентичности, К. Гансен не уменьшает значение тех социальных стандартов и норм, которые устанавливаются путем общения. Исследователь убежден, что социальные

группы становятся результатом свободного обсуждения коллективных ценностей, которые постепенно превращаются в критерии культурной идентичности. «Индивидуумы, – пишет по этому поводу исследователь, – формируют группу, а группа формирует людей, которые приобретают свою идентичность в ответ на коллективные критерии» [19, с. 177]. Сделанный вывод, на наш взгляд, чрезвычайно важен, учитывая переключение внимания в процессе исследования идентичности с личностного уровня на коллективный. В таком случае культурная идентичность личности уже рассматривается не как свободный дрейф в вариативных культурных мирах, а определенный рядом объективных факторов динамичный процесс. При этом членство отдельных лиц во многих группах означает, что культурная идентичность не может рассматриваться как внешне насажденная государством. Наоборот, ее формирование происходит в результате постоянного включения и исключения человека из большого количества групп, определяющих мышление, чувства и поведение, на основе которых формируется уникальность каждого человека [там же, с. 177].

Предложенная К. Гансенем теория становления культурной идентичности, на наш взгляд, владеет высоким объяснительным потенциалом не только на личностном, но и на коллективном уровне. В частности, рассматривая культурную идентичность как динамичный процесс, в ходе которого личность осмысливает и отождествляет себя с социально одобренной системой ценностей определенной культуры, одновременно изменяя последнюю, приходим к выводу, что культурная идентичность является основой всех других форм идентичности. Иначе говоря, культурная идентичность формируется в результате неразрывного взаимовлияния личности и группы, которое на коллективном уровне превращается во взаимовлияние группы (этноса, нации, класса и т. д.) и более широких относительно нее социальных образований (например, цивилизаций). На коллективном уровне так же, как и на индивидуальном, формирование культурной идентичности происходит в некотором «определенном» объективными факторами – языком, историей, религией и т. д. – пространстве, процессе сравнения, уподобления и различения с другими сообществами и общей для совокупности культурных сообществ системы ценностей. После этого происходит осмысление сообществом себя как целостности, владеющей признаками, которые выделяют группу среди других и на основе которых формируется представление о собственной культурной самобытности. Иначе говоря, культурная идентичность – это динамичный процесс конструирования единства сообщества как неповторимого целого на основе культурных ценностей, норм, установок и стереотипов.

На основании сделанных замечаний и уточнений можем утверждать, что культурная идентичность является основой не только национальной, но и других форм идентичности. В то же время не стоит забывать, что в одних случаях культурная идентичность может совпадать с национальной идентичностью, тогда как в других – существенно расходиться с ней, что, на наш взгляд, и формирует основы для актуализации языкового вопроса. В частности, мы уже акцентировали внимание на том, что возникновение национальной идентичности обычно происходило на фоне гомогенного коммуникативного пространства, которое достигалось в процессе сознательной и целенаправленной работы государства. Несмотря на это, большинство современных национальных государств на самом деле являются многонациональными вследствие наличия некоторого процента национальных меньшинств либо этнографических групп с нечетко выраженной этнической идентичностью, которая может стать дейст-

венным инструментом манипулятивных стратегий в борьбе политических элит и национальных государств за политическое господство.

Помимо того, что упомянутые нами проблемы в немалой степени обусловлены отсутствием действенной стратегии национальной консолидации, они стали возможными вследствие более глобальных процессов, которые в последние годы коснулись не только Украины. В частности, сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что глобализация не только существенно ограничила суверенитет национальных государств, но и уничтожила основы национальной идентичности. В результате упорядоченный, детерминированный, предсказуемый и, что самое главное, надежный мир людей начинает быстро рушиться. Ему на смену приходит мир, в котором у человека нет ориентиров – его жизнь превращается в бесконечную беговую дорожку, финишная линия которой постоянно меняется. Вследствие этого потеря «определенного места в обществе становится ныне опытом, который может много раз повторяться в жизни каждого человека, поскольку ни один из возможных статусов не является достаточно надежным, чтобы можно было говорить о длительном соответствии ему» [3].

Коренные цивилизационные изменения современности, размывая современные формы коллективной идентичности, существенно ослабляют значение национальной идентичности, не обуславливая в то же время отказа от социальности как таковой. В таких условиях более значимыми становятся культурные символы и мировоззренческие концепты, которые дают ориентиры для повседневной жизни, придавая ей хотя бы временную определенность. Конечно, учитывая перманентные изменения идентичности, можно предположить, что эти формы социальности могут быть менее стойкими, между тем такой вывод кажется противоречивым вследствие небывалого всплеска этнонационализма и возрождения целого ряда локальных культурных символов. Они становятся культурной основой группового единства, в основе которого лежит «чувство взаимной заботы и лояльности», являющееся «общепринятой чертой повседневной жизни, несмотря даже на то, что их глубина и интенсивность варьируются в разных типах сообществ» [14, с. 20].

Иначе говоря, потеря национальной идентичностью своего приоритетного значения, как правило, вызывает возникновение новых, более или менее стойких форм коллективной идентичности и соответственно единства. Естественно, когда единство вновь созданных сообществ обеспечивается лояльностью к нормам, стереотипам и ценностям, нет оснований говорить об их стойкости. Когда же в основе такого единства лежит язык, следовательно, и историческое наследие, глобализация может и очевидно будет обуславливать фрагментацию границ национальных государств, которые хотя и не исчезнут с политической арены мира, однако могут существенно сузить свои политические границы.

Пока что нет оснований говорить о быстром упадке национальных государств и национальной идентичности. Однако если в условиях глобализации национальные государства не будут способствовать сохранению гомогенного культурного пространства, уделяя пристальное внимание гуманитарной и гражданской политике, Европу, в том числе и Восточную, может всколыхнуть новая волна этнонационального определения, в основе которой будут лежать борьба периферийных элит, политическое господство и региональные культурные ценности. Не менее угрожающей для существования национальной идентичности с учетом крайне важного значения языка в процессе формирования культурной идентичности является ключевая роль международных

языков для обеспечения индивидуальной социальной респектабельности значения, что, с одной стороны, будет способствовать дальнейшему размыванию национальной идентичности, а с другой – может стать основой цивилизационного противостояния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон : [пер. с англ. В. Николаева]. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
2. *Аристов, Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. В 3 т. Т. 1 : Исследование по неизданным источникам : Издания Галицко-русского общества в Петрограде. Москва: Тип. Т-ва Рябушинских, 1916. XVI, 304 с.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество [Электронный ресурс] / З. Бауман. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4993/5006>
4. *Брубейкер Р.* Громадянська та етнічна нації у Франції та Німеччині / Р. Брубейкер // Націоналізм : [антологія / упоряд. О. Проценко, В. Лісовий; літ. ред. Л. Білик]. – [2-ге вид. перероб. і доп.] – К. : Смолоскип, 2000. – С. 311-316.
5. *Гелнер Е.* Нації та націоналізм / Е. Гелнер // Націоналізм : [антологія / упоряд. О. Проценко, В. Лісовий ; літ. ред. Л. Білик]. – [2-ге вид. перероб. і доп.] – К. : Смолоскип, 2000. – С. 156-169.
6. *Гібернау М.* Ідентичність націй / Монтсеррат Гібернау ; пер. з англ. П. Тарашука; ред. Л. Марченко. – К. : Темпо-ра, 2012. – 303 с.
7. *Грабович Г.* До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – К.: Основи, 1997. – 604 с.
8. *Огієнко І.* Рятуння України. На тяжкій службі своєму народові / І. Огієнко. – [Видання друге, доповнене]. – Вінніпег, Видання товариства «Волинь». – 1968. – 96 с.
9. *Пламенац Дж.* Два типи націоналізму / Дж. Пламенац // Націоналізм : [антологія / упоряд. О. Проценко, В. Лісовий ; літ. ред. Л. Білик]. – [2-ге вид. перероб. і доп.] – К. : Смолоскип, 2000. – С. 483-494.
10. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор теорий современных наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
11. *Сторожук С.* Мультикультуралізм і національна держава: перспективи взаємодії / С. Сторожук // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: Зб. наук. пр. – К., 2014. – Вип. 32 (45). – С. 195-203.
12. *Фіхте Й. Г.* Із праці «Промови до німецької нації» / Й. Г. Фіхте // Мислителі німецького Романтизму ; упор. Л. Рудницький, О. Фешовець. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2003. – С. 110-134.
13. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635, [5] с.
14. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества / Б. Як. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 520 с.
15. *Abrams D.* Social Identity and Social Cognition. Oxford / Dominic Abrams, M. A. Hogg. - Wiley-Blackwell, 1999. – 432 p.
16. *Goian Igor.* The ethnic hinciple as the basis of civil politics / Igor Goian, Svitlana Storozhuk // Cherkasy University Bulletin: Philosophy. – №11/13(2016) – С. 31-36.

17. *Graumann, C. F. Soziale Identitäten. Manifestation sozialer Differenzierung und Identifikation / C. F. Graumann // Viehoff, R.; Segers, R. T. (Hg.): Kultur, Identität, Europa. – Frankfurt/M. 1999. – S. 59-74.*

18. *Haidt J. The Ethics of Globalism, Nationalism, and Patriotism [Online]/ Jonathan Haidt. – Available at: <https://www.humansandnature.org/the-ethics-of-globalism-nationalism-and-patriotism>*

19. *Hansen K. P. Kultur und Kulturwissenschaft (1. Aufl.) / Klaus P. Hansen. – Tübingen/Basel: UTB GmbH; Auflage, 1995. – 304 s.*

20. *Ibrahim F. Cultural Identity: Components and Assessment / Farah Ibrahim // Cultural and Social Justice Counseling: Client-Specific Interventions. – Springer, 2015. – Pp. 15-49.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гоян Игорь Николаевич – декан философского факультета Прикарпатского национального университета им. Василя Стефаника, доктор философских наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для переписки: ул. Шевченко, 57, г. Ивано-Франковск, 76018, Украина.
E-mail: ivigoian@gmail.com

Сторожук Светлана Владимировна – профессор Национального университета биоресурсов и природопользования Украины, доктор философских наук, профессор (Киев, Украина).

Адрес для переписки: ул. Героев Обороны, 15, г. Киев, 03041, Украина.
E-mail: sveta0101@ukr.net

Федык Оксана Василиевна – доцент кафедры общей и клинической психологии Прикарпатского национального университета им. Василя Стефаника, кандидат психологических наук, доцент (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для переписки: ул. Шевченко, 57, г. Ивано-Франковск, 76018, Украина.
E-mail: oksfedyk@ukr.net

AUTHOR'S DATA

Hoian Ihor Nikolaevich – Dean, Faculty of Philosophy, Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University, Doctor of Philosophical Science, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.
E-mail: ivigoian@gmail.com

Storozhuk Svitlana Volodymyrivna - Professor, National University of Life and Environmental Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor (Kyiv, Ukraine)

Address for correspondence: Heroes of Defense Str., 15, Kiev, 03041, Ukraine.
E-mail: sveta0101@ukr.net

Fedyk Oksana Vasylivna – Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology of Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.
E-mail: oksfedyk@ukr.net

© Гоян И. Н., 2018.

© Сторожук С. В., 2018.

© Федык О.В., 2019.

Поступила в редакцию 08.10.2018.